

Голос Сюэ Цзинаня был тихим, спокойным и лишенным эмоций, словно он спрашивал: «Что у нас сегодня на обед?» Но слова его, словно огромный камень, обрушились на присутствующих, заставив их затаить дыхание.

Хотя выражения «подставной матч» и «некомпетентны» были новыми для слуха придворных, никто из них не был лишен здравого смысла. Быстро сообразив, они поняли истинный смысл сказанного.

Седьмой принц осмелился высмеять императорскую гвардию, считавшуюся элитой и главной военной силой в династии Ци? Неужели он действительно так смел?

Конечно, знатные семьи часто отправляли своих отпрысков в императорскую гвардию. И Чу Вэньцзин, будучи чиновником правительства столичного округа, нередко критиковал гвардейцев за халатность и некомпетентность. Но... но... даже принимая все это во внимание, не слишком ли дерзко жаловаться императору на императорскую гвардию в его же присутствии?

Неужели люди супруги Чжень настолько бесстрашны? Или их уверенность подпитывается ее влиянием любимой наложницы?

Те, кто понял истинный смысл слов Сюэ Цзинаня, украдкой усмехнулись, но перед императором все склонили головы, стараясь не дышать, не желая встретиться с его гневным взглядом.

Атмосфера в зале изменилась в одно мгновение – тишина сменилась мертвенным молчанием. Даже резкий звук опускающихся шахматных фигур внезапно прекратился.

Бум! Бах! Бум!...

Звук опускающихся коленей и тихий шелест доспехов нарушили зловещую тишину. Командир императорской гвардии, его заместитель и капитан этого отряда гвардии... все они опустились на колени и поползли вперед, склонив головы к земле, подобно пятому принцу.

Собиравшийся сделать глоток чая император чуть не подавился от резких и безжалостных слов Сюэ Цзинаня. Нахмурившись, он с трудом сдерживал кашель, kloкочущий в горле, его лицо выражало крайнее недовольство, словно он был готов взорваться от гнева, что еще больше накаляло обстановку.

Император был взбешен, но не на Сюэ Цзинаня. Его гнев был вызван лишь некомпетентностью императорской гвардии.

Он прекрасно знал о плачевном состоянии гвардии и намеревался исправить ситуацию с тех пор, как этот вопрос впервые поднял Чу Вэньцзин.

Но Великая династия Ци была недавно основана, и существовали пережитки старого режима. Те, кто воевал вместе с императором Юанем за создание империи, все еще были живы, и именно они стали основой для многих знатных семей.

Говорят, что новый правитель приносит с собой новый двор, даже новый чиновник вызывает резонанс, не говоря уже об императоре. Но, как уже упоминалось, частые смены власти делали политическую ситуацию нестабильной, а варварские племена все еще таились на границах. Задачей императора было проведение новой политики при одновременной стабилизации двора.

Методы правления – словно острое клинка. Сильный государь, сметает слабых министров, а слабый – марионетка в руках придворных чиновников. Но и тирания губительна: порой нужно прикрыть глаза на малое, даровать толику благ. Подобно военной хитрости – «окружить с трёх сторон, оставив одну открытой», – мудрый правитель не загоняет подданных в угол, не доводит до отчаяния, ибо это чревато гибелью для всех.

Коррупция в императорской гвардии, словно ядовитый плющ, обвивала её ряды еще при прошлом императоре. Новая политика призыва, столь полюбившаяся народу и воинам на границе, лишь ускорила этот процесс гниения. Сыновья знатных родов всегда искали тёплое местечко, и императорская гвардия, расквартированная в столице, была лакомым куском. Император, осознанно или нет, допустил их проникновение в гвардию, сделав пешкой в политических играх.

Император взглянул на склонившихся в поклоне гвардейцев. Более половины – знакомые лица, отпрыски аристократических семей. Заместитель командующего Вэй, рисквавший жизнью, защищая его, – тот, кого он специально повысил из Фэнъичу, намереваясь сделать его преемником главнокомандующего.

Фэнъичу... Пусть и лишены престижного статуса императорской гвардии, с незавидной репутацией, но «Кровавые стражи», названные так за «окровавленные парчовые одежды и греховные деяния» – это сила, которую император контролировал целиком и полностью, которой доверял безгранично. Увы, в итоге Фэнъичу оказалось лишь организацией шпионов; даже с множеством квалифицированных сотрудников, оно не могло действовать открыто.

Настроение императора омрачилось, в глазах вспыхнул ледяной гнев.

— Не сумели защитить меня, не смогли поймать убийц – это непроходимая глупость или преднамеренная диверсия?

Император подозревал заговор, предательство в ближайшем окружении. Ведь как иначе убийцы могли скрыться прямо у них под носом? Несомненно, в этом замешан кто-то из императорской семьи. Какой принц или наложница?

Но постепенно в сознании императора закрадывалась иная мысль: это не покушение, а скорее проверка... представление. Несмотря на присутствие трёх убийц, ни один не покушался на его жизнь. Заложников взяли, но оба остались живы, отделавшись лишь царапинами. Да и рану

Сяо У нанёс Сяо Ци. А затем убийца бросил Сяо У, заявив, что тот ему мешает. Почему не убил сразу?

Так что же, Сяо У и Сяо Лю – случайные жертвы или заранее выбранные фигуры? император прищурился, взгляд его скользнул по залу.

— Похоже, тут немало желающих моей смерти, — произнёс он легко, почти небрежно.

— Ваше величество, министр в ужасе! Министр заслуживает смерти! — вскричали в один голос, падая на колени, даже старый мудрец, прервавший шахматную партию с императором, взметнул полы одежды и опустился на колени.

На этом фоне продолжавший сидеть Сюэ Цзинань выделялся особенно ярко. Впрочем, Сюэ Цзинань этого не замечал, да и значения бы не придавал. Он был всецело поглощён размышлениями. Следуя за словами императора, он переосмысливал ход событий, двигаясь от следствия к причине, выстраивая в голове разветвлённую схему, словно альтернативную вселенную. И вдруг он нащупал ключевой вопрос: было ли это покушение направлено именно против него?

Он и пятый принц прибыли вместе. Когда пятый принц узнал, что император уже на месте, он заявил, что не хочет идти, но ноги его не замедлили шаг. Сюэ Цзинань заметил Цуй Цзюя и почувствовал нечто странное в поведении возницы; он слегка помедлил. Получалось, пятый принц был на полкорпуса впереди него, и убийце было бы гораздо легче схватить именно его. Но убийца обошёл пятого принца и кинулся прямо к нему, Сюэ Цзинаню.

А затем – помощь пятого принца в отражении атаки, ошибочная идентификация Чжэн Си шестого принца, и использование убийцей яда – всё обретало смысл. Подозрения в отношении благородной супруги Жун взлетели до 90%! И у благородной супруги Жун наверняка есть сообщник. Если это убийство было лишь проверкой... В детективных романах убийцы часто возвращаются на место преступления: чтобы убедиться в отсутствии улик, понаблюдать за ходом расследования и полюбоваться плодами своего злодеяния.

Так, может быть, убийца всё ещё здесь?

Сюэ Цзинань резко вскинул взгляд. Слишком много подозреваемых! Неужели ему предстоит разгадать примитивную загадку из детского детектива?

— Треугольник – самая устойчивая фигура! — пробормотал Сюэ Цзинань, его мозг бурлил от информации о подозреваемых.

В этот момент в покои ворвался молодой евнух и что-то прошептал Ли Хэчуню. Ли Хэчунь склонился к императору и тихо доложил, после чего бесшумно удалился. Заслонив губы ладонью, чтобы его голос не был слышен никому, кроме императора. По едва заметным движениям губ Сюэ Цзинань понял: вот-вот придут наложницы гарема.

Сюэ Цзинань, следивший за трансляцией, учуял неладное. И, сверившись с трендами, убедился: все они посвящены покушению на императора в учебном кабинете принцев, ранению пятого принца и похищению шестого! Хештеги, пестревшие красным словом «Горячая новость». Шум, поднятый вокруг принцев, невозможно было скрыть. Даже великая вдовствующая императрица, редко покидавшая свой дворец, приближалась в паланкине в сопровождении Су-момо. А поскольку дамы гарема – особы женского пола, министрам надлежало избегать любых подозрений.

Как и ожидалось, император нахмурился и махнул рукой.

— Нынешнюю оценку отложить. Все можете быть свободны.

Фраза «оценка отложена» означала: дело ещё не закрыто.

— Мы прощаемся.

Толпа, склонившись в поклоне, поспешно ретировалась, оставив лишь принца Аня и уцелевших принцев. Половина гвардейцев покинула зал.

Ли Хэчунь вновь возник из ниоткуда, приказывая служанкам и евнухам быстро и незаметно привести зал в порядок. Пятому принцу помогли подняться. И вот тишину вновь разорвали торопливые шаги.

Первой в покои влетела прекрасная женщина в алом дворцовом платье, украшенном драгоценностями. Полы её одеяния развевались, словно крылья бабочки, волосы растрепались, а на лице читалась паника и страх. Она бросилась к пятому принцу, только что поднявшемуся на ноги, и крепко обняла его, заливаясь слезами. Глаза её покраснели, она беззвучно рыдала, её лицо было мокрым от слёз, и она казалась жалкой и несчастной. Похоже, благородная супруга Жун не поскупилась на румяна. Камера высокого разрешения Сюэ Цзинаня отчётливо зафиксировала её изысканный и безупречный макияж.

Пятый принц, застигнутый врасплох внезапным объятием, едва не задохнулся и вздрогнул. Сюэ Цзинань не понимал, зачем на глаза и нос нанесли румяна, но он подсознательно знал, что макияж, несомненно, служил какой-то цели.

Вслед за благородной супругой Жун появилась женщина в светлом дворцовом одеянии, сдержанном макияже, изящными чертами лица и невозмутимым видом. Поддерживаемая служанкой, она шла быстро, сохраняя безупречную осанку и царственное спокойствие.

— Мать...! — глаза шестого принца мгновенно покраснели при виде её, и он словно пушечное ядро вылетел ей навстречу.

Супруга Шу не сразу обняла сына. Сначала она осмотрела его, убедившись в отсутствии ран, а

затем осторожно коснулась его шеи. Её пальцы замерли в сантиметре от кожи, и она нежно притянула его к себе, закрыла глаза и прошептала печальным, едва слышным голосом:

— Мой Пинань...

Пинань (спокойный и благополучный) – детское имя шестого принца Сюэ Чэньпина.

— Матушка, мне... мне не больно, всхлип-всхлип...

Шестой принц уткнулся лицом в её шею, плача и пытаясь успокоить её. Пока шестой принц наслаждался нежной материнской любовью, четвертый принц оказался в гораздо более опасном положении.

У четвертого принца заболело сердце, когда он услышал, что Сюэ Цзинань зарезал пятого брата на улице. Он незаметно затерялся в толпе, используя тела своих братьев как щит, но побег шестого принца разоблачил его. Как и ожидалось, взгляд Сюэ Цзинаня упал на него. Четвертый принц запаниковал, но взгляд Сюэ Цзинаня заставил его замереть на месте.

Увидев любимую батарею, Сюэ Цзинань невольно посмотрел на «склад запчастей», где она хранилась. Состояние батареи упало до 95%. Она все еще не починена? Неужели императорские лекари настолько некомпетентны?! Сюэ Цзинань задумался о том, чтобы починить её самому.

Займусь этим сегодня вечером.

Четвертый принц, пожав плечами, вновь смешался с толпой, чувствуя себя в безопасности, и выдохнул с облегчением.

Третий принц, увидев это, презрительно скривился:

— Да сколько лет седьмому? Чего ты так трусишь?

Четвертый принц схватился за грудь, его лицо побледнело, но он упрямо настаивал:.

— У меня болит рана, а не потому, что я боюсь Сюэ Цзинаня!

Как только он произнёс эти слова, его пронзил озноб, знакомый холод сковал сердце.

Он чувствовал, что взгляды его седьмого брата направлены на него! Руки четвёртого принца дрожали, рана на груди, которая почти зажила, вдруг снова начала пульсировать, пронзая болью, от которой по щекам потекли слезы.

Третий принц вздрогнул, с сомнением взглянув на его грудь.

— Разве ты не говорил, что это всего лишь царапина? Прошло десять дней, а она всё ещё болит? Ты что, лечился у шарлатана?

— Нет, нет, вовсе не болит, — выдохнул четвертый принц, слёзы текли по его лицу, когда он взглянул на две пары матерей и сыновей, сплотившихся вокруг Сюэ Цзинаня. — Просто... тоска по матери немного сдавила сердце.

<http://bllate.org/book/15803/1416668>